

Подвиг просвещенного юродства

Интервью с Карлом Христианом Фельми,
профессором Эрлангенского университета,
доктором богословия МДА *honoris causa*

17 февраля 2005 года в Московской духовной академии состоялось вручение диплома доктора богословия *honoris causa* профессору Эрлангенского университета Карлу Христиану Фельми, крупнейшему немецкому специалисту в области истории и богословия христианского Востока. Диплом почетного доктора присвоен «за весомый вклад в изучение православного богословия и укрепление связей между Русской Православной Церковью и Евангелической Церковью в Германии». Профессор Фельми прочитал доклад «Значение Креста в жизни и трудах профессора протоиерея Павла Светлова». После официальных мероприятий он любезно согласился дать интервью журналу «Встреча».

Профессор, расскажите, каким образом у Вас появился интерес к Православии, как все начиналось?

Обычно на этот вопрос я отвечаю шуткой: «В предыдущей жизни я был православным, извозчиком в Ярославле». Но если говорить серьезно, то у нас в Лютеранской Церкви есть особое литургическое движение — возвращение к традициям, и я спрашивал у своего отца, который был пастором, существуют ли другие Церкви с богатыми литургическими традициями. В то время отношения с католиками были довольно напряженными, и отец ответил, что кроме них есть еще и Православная Церковь. Наверное, это был первый случай в моей жизни, когда я заинтересовался Православием. Потом я заинтересовался искусством,

больше всего меня привлекали древнее романское и готическое искусство, а в дальнейшем и более позднее. Недалеко от нашего города, в Регенхаузе, открылся музей икон, в том числе и византийских, и это тоже оказало на меня влияние.

В школе я любил читать Достоевского, а когда в студенческие годы мне пришлось писать сочинение по систематическому богословию на тему «Экуменический институт», и я немного подустал от работы, то стал смотреть разные книги и наткнулся на «Жизнь и учение старцев» И.К.Смолича. Из «Братьев Карамазовых» я уже знал немного о старчестве, о старце Зосиме, поэтому книга меня заинтересовала.

А еще позже, когда я учился в Гейдельберге, то стал частенько ходить в старокатоличе-

Родился в городе Лечнице (Германия) 13 февраля 1938 года.

С 1958 по 1964 год — студент богословия в университетах Мюнстера и Гейдельберга.

В 1969 году защитил диссертацию «Проповедь в православной России».

С 1971 года — пастор Лютеранской Церкви.

С 1975 по 1982 год — ассистент у профессора Фери фон Лилиенфельд в университете Эрланген–Нюрнберг.

В 1982 году защитил докторскую диссертацию «Истолкование Божественной Литургии в русском богословии».

С 1982 по 1985 год — профессор Сравнительного богословия в Гейдельбергском университете.

С 1985 по 2003 год — профессор Истории и богословия христианского Востока в университете Эрланген–Нюрнберг.

Состоит в Комиссии Всемирной Лютеранской Федерации по диалогу с Православными Церквями.

скую церковь, где богослужения совершались по православному обряду. На богослужениях многое для меня было непонятным, поэтому я купил себе книжку с текстом Литургии, изданную Американской Православной Церковью. Эта книжка стала моим первым учебником по церковно-славянскому — и до сих пор я иногда путаю русские слова со славянскими.

Вернувшись из Гейдельберга, я случайно, говоря по-мирски, — и, конечно, не случайно в христианском смысле — узнал, что поблизости есть институт, занимающийся изучением Восточных Церквей. Я стал ходить туда на лекции, принимать участие в семинарах. Так формировался мой интерес к Православию.

Как Вы думаете, какой способ знакомства с Православием наиболее действенен в наши дни?

Сложно сказать... Я думаю, в первую очередь необходим личный опыт, а не только знания, почерпнутые из книг. Хотя современное Православие внешне — это не Церковь времен Апостолов, многое изменилось с тех пор, но все же больше можно узнать из атмосферы церковной жизни, чем из книг. У нас есть патрологи, которые прекрасно знают писания Отцов Древней Церкви, но совершенно не понимают их, потому что никогда не попадали в подобную атмосферу.

Как-то раз на Соловках я встретил девушку, которая сказала мне: «Если Вы интересуетесь Православием, не столько обращайтесь внимание на церковную политику, сколько на самое главное. Самое главное — знать богослуже-

ние». Уже потом в ходе разговора выяснилось, что она недавно купила мою книгу «Введение в современное православное богословие», а в книге, как вы знаете, я много цитирую богослужебные тексты.

Если в изучении православного богословия главное — богослужение, то с чего надо начинать, чтобы понять лютеран?

Протоиерей Василий Стойков, заслуженный профессор Ленинградской духовной академии, посещая Германию, побывал на службах в разных провинциях и удивлялся богатству лютеранского богослужения в одних храмах и его скудости в других. Из-за этой неравномерности вообще сложно понять лютеранское богослужение, но такое понимание необходимо, как и в любой конфессии. Для серьезного изучения не менее важно знать и символические книги Лютеранской Церкви, в первую очередь — Аугсбургское исповедание. Диалог может вестись только на основе этих символических книг.

Верно ли будет использовать литургический подход при изучении и других конфессий?

Конечно, везде надо знать богослужение, и у католиков месса занимает центральное место. Хотя для изучения католицизма необходимо также знать и папские энциклики. Немецким протестантам гораздо легче изучать католическое вероучение, потому что догматический язык и вопросы общие — только ответы различны. Понимать язык, на котором говорит православное богословие, моим студентам гораздо труднее.

Профессор, Вы много участвовали в экуменическом движении: как Вы оцениваете его перспективы?

Я думаю, что сейчас все становится сложнее, расхождение только нарастает. Православные, особенно Русская Церковь, очень консервативны, наиболее ярко это проявилось в начале 90-х; может быть, сейчас ситуация уже несколько иная. С одной стороны мы видим секуляризацию, с другой — крайний консерватизм, который является лишь реакцией, обратной стороной происходящего обмирщения.

Сейчас и богословие, и церковная жизнь лютеран переживают непростой период, достаточно сильны тенденции к рукоположению женщин, чего раньше не было. Сложная ситуация и в Англиканской Церкви после того, как они рукоположили во епископы открытого гомосексуала. Сейчас не лучшие времена, но тем важнее поддерживать контакты друг с другом, взаимно помогать, изучать традиции друг друга. В принципе, все Церкви, хотя бы они этого или нет, в определенной степени зависимы друг от друга — подобно воде в сообщающихся сосудах.

Наши студенты учатся в Эрлангенском университете, где Вы преподаете. Расскажите о них, пожалуйста.

В нашем университете учатся студенты из России, Белоруссии, Молдавии, они живут вместе с немецкими студентами, постоянно общаются с ними. Стоит отметить, что наша система обучения сложна и существенно отличается от российской, даже немецким студен-

там необходима помощь, чтобы ориентироваться в ней. Нередко студент все свои силы отдает занятиям по любимому предмету у какого-то одного профессора, а на экзаменах оказывается, что он не знает и самых простых вещей по другим дисциплинам — катастрофа! Учиться тоже надо уметь!

Русские студенты в первую очередь учат здесь немецкий язык, но программа обучения может быть индивидуальной. Например, когда у нас учился отец Вассиан (Змеев), нынешний проректор Московской духовной академии, ему не нужно было посещать лекции и семинары по Ветхому и Новому Завету, поскольку экзамены у него уже были сданы, он мог выбирать то, что ему интересно. Он слушал лекции по истории Древней Церкви, по патрологии, посещал мои лекции, собирал материалы для своей диссертации по святителю Амфилохию Иконийскому.

Приезжают ли немецкие студенты учиться в Россию?

Да, такие студенты были — я знаю четверых. Для них это было, конечно, очень полезно. Например, пастор, который курирует православных студентов в Эрлангене, сам учился в советское время в Ленинградской духовной академии. Он много претерпел ради своей любви к Православию: вызовы в КГБ, обыски — с этим было непросто смириться. И еще он изнемогал во время Великого поста, когда кормили только капустой. Но он очень любит Православие, и его докторская диссертация будет посвящена именно Православию.

Девушкам приходится еще сложнее. Отвергая женское священство, надо особенно уважительно относиться к женщинам, чтобы было понятно, что мы не против женщин, а лишь против женского священства. Моей знакомой в начале 1990-х годов в Санкт-Петербургской духовной академии приходилось очень трудно: женщина, лютеранка, которая хотела посещать лекции!

Профессор, скажите, как относятся на Западе к «неопатристическому богословию», как изучаются достижения парижской богословской школы?

Во времена моей молодости католики увлекались в первую очередь греческим богословием, а протестанты больше интересовались русским, парижским богословием. Сейчас такой разницы больше нет. Тогда было очень интересное время, часто звучали имена протоиерея Сергия Булгакова, протоиерея Георгия

Флоровского, Льва Зандера, как-то раз мне довелось видаться с протопресвитером Николаем Афанасьевым. Интерес сохраняется и сейчас, хотя и не в такой степени. Например, во Фрайбурге издаются труды отца Сергия Булгакова, пишутся диссертации по его работам.

Скажите, почему для доклада в Московской духовной академии Вы выбрали тему «Значение Креста в жизни и трудах профессора протоиерея Павла Светлова»?

Работая над «Истолкованием Божественной Литургии в русском богословии», я понял, насколько развита была богословская наука в духовных академиях Русской Православной Церкви, узнал, что существует не только Париж, но и в России пишут на очень высоком уровне. Перелистывая дореволюционные журналы в поисках статей по литургике, я наткнулся на работы Светлова, в которых речь, правда, шла о несколько ином предмете — о сотериологии. Его изложение учения о спасении очень заинтересовало меня, тем более что в лютеранском богословии сотериология занимает особое место.

Светлов, по-моему, сделал в богословии очень много. Хотя у него встречаются некоторые неточности, — например, он считал слово *satisfactio* (удовлетворение — *лат.*) патристическим термином, — но при этом он сумел сохранить равновесие юридического и нравственного аспектов. При всем уважении к Православию я думаю, что среди монашествующих и сейчас встречается мысль о «самоспасении» — спасении исключительно благодаря своим аскетическим подвигам. С другой стороны, несколько преувеличивая, можно сказать, что у нас в Лютеранской Церкви лучшим для человека считается, если он умрет сразу после Крещения, потому что он, получив все, что мог, преставился безгрешным. И то, и другое абсурдно. Между этими крайностями нужно уметь находить равновесие.

В паремии из пророка Исаяи, которая читается в Великую Пятницу, сказано, что Отрок Господень страдал за нас и ранами Его мы исцелились (Ис. 53:5). Иногда крайние аскеты забывают о том, что именно за нас страдал Христос. С другой стороны, некоторые лютеранские богословы говорят, что все вопросы между человеком и Богом уже решены на Кресте, и человек получает все через веру и Крещение. И совсем редко мы слышим о том, что смысл жизни человека состоит в том, чтобы

стать святым. В лютеранской проповеди я слышал об этом только однажды — от нашего архиерея сразу после его поставления во епископа Баварского.

Расскажите о том, как соотносятся понятия святости в Лютеранской Церкви и в Православной.

Будьте святы, ибо свят Господь Бог ваш (Лев. 19:2). О святости сейчас мало говорят, но это связано не столько с Реформацией, сколько с обмирщением. Впрочем, и богословски этот вопрос у нас очень слабо развит.

Аугсбургское исповедание считает возможным почитание святых, однако отвергает их молитвенное призывание. Я читал об этом доклад во время переговоров между Русской Православной Церковью и Евангелической Церковью в Германии. Основным аргументом против молитв святым является то, что спасительные заслуги есть только у Христа, а не у святых. Но в Православной Церкви термин «заслуги» почти не используется, даже к делу Христову его применяют крайне редко. Я думаю, что призывание святых могло бы быть вполне приемлемым и для лютеран, если абстрагироваться от понятия «заслуг». Дело в том, что во время Реформации все вертелось вокруг этого понятия, оно стало «идеей фикс».

Приведу такой случай. Когда я был молодым пастором общины, я хотел немножко украсить наше богослужение. Ладан, правда, во время богослужения я не использовал, но звучало григорианское пение, я читал длинную евхаристическую молитву... На это другой пастор мне говорил: «Вы хотите что-то заслужить!» У него, как и у католиков в Средние века, мысль о заслугах была «идеей фикс». Любое выражение благочестия, даже принятие монашества зачастую рассматривается с точки зрения заслуг.

Насколько помогает наука в Вашей пастырской деятельности?

По сложившейся традиции у профессоров в Германии нет своих приходов. Они и так сильно загружены и наукой, и административной деятельностью. Я был на приходе всего два с половиной года, а сейчас сравнительно часто служу в женском монастыре в Баварии, хотя, конечно, не так часто, как служил бы православный священник-профессор. У нас священник может причащаться не в алтаре, а как простой мирянин, так что я служу четыре-пять раз в год, а причащаюсь, конечно, чаще.

Евхаристические молитвы у вас читаются вслух?

Да, конечно. И в Русской Церкви тоже, я считаю, они должны читаться вслух. Я не сторонник реформ богослужения, о которых сейчас много говорят, даже церковно-славянский язык не нужно заменять русским: всякий сможет понять его, если захочет. Но что такое Литургия без анафоры святого Василия Великого? Одна эта молитва намного лучше всякого урока по катехизису.

Как относятся коллеги к Вашему пристальному изучению Православия?

О Православии на Западе знают очень мало, оно воспринимается как некая экзотика. Видимо, поэтому меня почти никогда не порицали за близость к Православию. Если б я был настолько же близок к католицизму, это вызвало бы неприязнь.

На Литургии я часто читаю евхаристическую молитву святителя Иоанна Златоуста и никогда не слышал, чтобы кто-нибудь был против, даже из пасторов: в Лютеранской

Церкви нет строгого богослужебного канона и евхаристические молитвы можно изменять в определенных рамках. Только по поводу упоминания Божией Матери мне говорили: «Не стоит этого делать, это католическое».

Мое увлечение Православием воспринимают как своеобразное юродство, но для меня это не так уж и тяжело. Однако жаль, что эти мои «странности» никто не воспринимает всерьез, не пытается вместе со мной прикоснуться к Православию.

Недавно вышла Ваша книга об иконописи, над чем Вы собираетесь трудиться в дальнейшем?

Я очень люблю писать об искусстве, особенно об иконописи, но сейчас у меня есть желание вернуться к богословию и написать книгу про протоиерея Павла Светлова, тем более что начало уже положено.

*Беседовал Николай Корюшкин,
4 курс МДС*

